

На Алтае, в устье реки Ини, жил богатырь Сартакпай. Коса у него до земли, брови — точно густой кустарник. Мускулы твердые, как нарост на березе, хоть чашки из них режь.

Когда он охотился, еще ни одной птице не доводилось над его головой пролететь. Он стрелял без промаха.

Быстро бегущих оленей, осторожную кабаргу бил метко. На медведя, на барса он ходил один, крепко держа в руке свою трехпудовую пику с девятигранным наконечником.

Не пустовали его охотничьи мешки-арчимаки, к седлу всегда была приторочена свежая дичь.

Сын Сартакпая, Адучи-мерген, издали услышав мерный топот черного иноходца, выбегал встречать отца.

Сноха Оймок готовила старику восемнадцать разных кушаний из дичи, девять вкусных напитков из молока.

Но не был счастлив, не был весел прославленный богатырь Сартакпай. Днем и ночью слышал он плач зажатых камнями алтайских рек. Напрасно бросались они с камня на камень. Не под силу было им одолеть твердые горные кряжи. Брызги воды висели на камнях, как слезы. Горько было Сартакпаю смотреть на слезы алтайских рек, устал он слушать их немолчный стон. И задумал старик пробить алтайским водам дорогу к Ледовитому океану.

Позвал он своего сына:

— Ты, Адучи-мерген сынок, иди к Белухе-горе, поищи пути-дороги для Катунь-реки. Сам я отправлюсь на восток к озеру Улукёль.

Приехал Сартакпай к озеру, спешился, коня в траву пустил, сам на левое колено пал, указательным пальцем правой руки тронул берег Улукёля, и следом за его пальцем потекла река Чулышман. С веселой песней побежали к Чулышману все попутные ручейки и речки, все звонкие ключи и неслышные подземные воды.

Но сквозь этот радостный звон услышал Сартакпай плач воды в горах Кош-Агача. Он протянул левую руку и указательным пальцем левой руки провел по горам русло для реки Башкаус. Засмеялась река, убегая с Кош-Агача, засмеялся вместе с водой и старик Сартакпай:

— Оказывается, левой рукой я тоже работать умею! Однако негоже такое дело левой рукой творить.

Он повернул реку Башкаус к холмам Кокбаша и тут влил ее в реку Чулышман:

— Беги, Чулышман, пусть сила твоя не иссякнет, — сказал Сартакпай и правой рукой повел Чулышман-реку вниз, к Артыбашу.

Здесь Сартакпай остановился:

«Где сын мой Адучи? Почему не идет мне навстречу?»

— Слетай, дружок Черный дятел, к реке Катунь, посмотри, куда ведет ее Адучи-мерген.

Черный дятел полетел к горе Белухе, и увидел он, что река Катунь быстро-быстро бежит на запад. Недалеко от Усть-Коксы догнал дятел молодого Адучи.

— Зачем на запад бежишь, Адучи-мерген? — крикнул дятел. — Отец твой уже половину дня ждет тебя на востоке, в Артыбаше.

— Э-э, поспешил я, маленько ошибся... — молвил Адучи и немедля повернул реку на северо-восток. — Через три дня я с отцом встречусь. Не отдохнув, полетел дятел к старому богатырю:

— Прославленный Сартакпай, сын ваш ошибся маленько. Однако спохватился и бежит теперь сюда, к вам. Через три дня он будет здесь.

— Славный дятел, ты просьбу мою уважил, — сказал Сартакпай, — за это я научу тебя корм добывать там, где ни одной птице его не добыть.

Дятел склонил голову набок, внимательно слушая.

— Не ищи червей в земле, — сказал Сартакпай, — не лови мошек на лету. Не скачи за гусеницами по тонким веткам. Уцепись когтями за ствол, постучи клювом по коре и крикни: «Киук-киук! Караты-хана сын свадьбу справляет, киук! Наденьте желтую шелковую шубу,

черную бобровую шапку, скорей-скорей! Караты-хана сын вас на свадьбу зовет!» И все жучки, мошки, букашки тотчас выбегут к тебе.

С тех пор дятел сидит на стволе, стучит клювом по коре и кормится так, как научил его старик Сартакпай.

Три дня ждал богатырь своего сына. Три дня держал указательный палец в долине Артыбаш. За это время много воды под палец натекло. Длинное озеро Телецкое — это Сартакпаева пальца след. Наконец-то Адучи-мерген прибежал, Катунь-реку за собой привел.

Теперь Сартакпай-старик поднял палец, и полилась из Телецкого озера река Бия. Сартакпай шел, прокладывая путь Бии — новой реке. Адучи-мерген быстро бежал, ведя Катунь. Ни на шаг от старика не отстал! Вместе слились обе реки — Бия и Катунь — в широкую Обь. И понесла могучая Обь воды Алтая к Ледовитому океану.

Адучи-мерген стоял гордый, счастливый.

— Сынок, — окликнул его Сартакпай, — быстро вел ты реку, но я хочу посмотреть, хороша, удобна ли для людей твоя дорога.

И старик пошел от Оби вверх по Катунь-реке. Адучи-мерген шагал позади отца, и колени его гнулись от страха: о людях он не думал, когда гнал воду. Вот отец перешагнул через реку Чемал, подошел к горе Согонду-туу. Лицо его потемнело, брови закрыли глаза:

— Ой, стыд, позор, Адучи-мерген сынок! Зачем ты заставил реку повернуть здесь так круто? Люди тебе за это спасибо не скажут. Плохо сделал, сынок.

— Отец, я не мог расколоть Согонду-туу, даже борозду провести по ее хребтам не хватило сил.

Тут Сартакпай снял с плеча свой железный лук, натянул тугую тетиву, пустил литую медную трехгранную стрелу. Согонду-туу-гора надвое расколосась. Один осколок упал пониже реки Чемала, другой вонзился в берег Катунь и до сих пор стоит там.

Так богатырь дал реке дорогу, прямую, как след его стрелы. Дальше пошли отец и сын вверх по Катунь-реке. Видит старик — свирепо бежит река, рвет и рушит берег.

— Как будут люди перебираться здесь с одного берега на другой? Опять ты не вспомнил о людях, сынок Адучи.

У самого устья реки Чобы богатырь опустился на серый камень, крепко задумался: «Как людям помочь?»

— Здесь, — сказал он, — как раз середина реки. Тут мы построим мост. Покорно молчал молодой Адучи. Он не смел перед отцом сидеть и стоял, качаясь от усталости, словно камыш на ветру.

— Пойди домой, дитя, — позволил Сартакпай, — только не спи. И жена твоя, Оймок, из уваженья к моей работе, пусть в эту ночь не смыкает век.

— Неужто вы, отец, всю ночь не уснете?

— Когда творишь великое дело, сон не посмеет прийти.

Низко поклонившись, ушел Адучи.

Сартакпай принялся собирать в подол шубы большие камни и скалы. Всю темную ночь без отдыха работал старик.

Ветер гнул деревья, Катунь на берегу срывала камни с берегов и разбивала их на тысячу осколков, в небе дымились черные тучи, сверкали молнии, гремел гром.

— Э-э, — усмехнулся Сартакпай, — молния мне поможет!

Он поднял руку, схватил молнию и вставил ее в расщепленный ствол

пихты. При свете пойманной молнии старик вонзал один камень в другой, и камни покорно лепились один к другому. И когда осталось положить только последний ряд, мост вдруг со страшным шумом обрушился.

Сартакпай рявкнул, как медведь, и выбросил камни из подола шубы. Гремя посыпались они и завалили берег от устья Чобы до устья реки Эндиган, там они и лежат до сих пор.

От грохота камней проснулся Адучи-мерген, открыла глаза жена Оймок:

— Мы отца послушались, мы уснули!

Испугавшись гнева Сартакпая, обернулись они серыми гусями и полетели вдоль реки Чуи. Швырнул им вслед стопудовый камень разгневанный богатырь. Этот камень упал на Курайской степи, там он и сейчас лежит.

Сын старика Адучи и сноха Оймок остались гусями навечно.

Одинокий и печальный, сел Сартакпай на своего черного иноходца и вернулся к устью реки Ини. Его родной аил давно рассыпался, бесчисленные стада разбрелись, следы их травой поросли.

Сартакпай расседлал коня, бросил на большой камень войлочный кечим-потник, который всегда был под седлом коня, и, чтобы потник просох, старик повернул тысячепудовый камень на восток, а сам сел рядом.

Так, обратив лицо к солнцу, почил вечным сном на родной земле прославленный богатырь.

Тут кончается наша песня про Сартакпая-строителя, про Сартакпая — хозяина молний, про Сартакпая-старика.

